

ГРУППЫ ОБЕТНЫХ КРЕСТОВ БЕЛОГО МОРЯ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИК В С. ШУЕРЕЦКОЕ БЕЛОМОРСКОГО Р-НА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА САМОЙЛОВА

(Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова: Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2, литер «А»)

***Аннотация.** Во время полевых поездок в Беломорский р-н Республики Карелии (Поморский берег Белого моря) 2008–2010 гг. в селах Нюхча и Шуерецкое удалось зафиксировать группы обетных крестов, играющих важную роль в культурной традиции поморов. В статье рассматриваются святыни с. Шуерецкое: кресты у домов сельских жителей, крест в устье р. Шуи (сакральный комплекс «Кресты»), Большой крест на кладбище и поклонный крест на месте разрушенных храмов.*

Внимание автора фокусируется на практиках, связанных с почитанием обетных крестов. Особый интерес вызывают вотивные приношения (предметы одежды, пелены), оставляемые женщинами у крестов. Предметные проекции ритуальных практик позволяют проследить схемы перемещения дара, найти ответы на вопросы, связанные с функциональностью сакральных объектов. В случаях, когда прошения были связаны с промысловой деятельностью, вотивы оставляли у креста в устье Шуи или у тех крестов, что стояли в селении у домов сельских жителей. А когда просили здоровья для себя или близких, женщины несли тканевые предметы и угощения к Большому кресту на кладбище.

Вотивные предметы рассматриваются и как гендерный маркер. Женские приношения на крестах — «следы» женских ритуальных практик, свидетельствующих об использовании сакрального объекта женской группой. Кресты, «подконтрольные» мужской группе, расположены вдали от селения, на островах и отмелях Белого моря. Как правило, они без тканевых изделий — «голые».

Данные полевых материалов позволяют отметить изменения, происшедшие в культурной традиции поморов за вековой период (начало XX — начало XXI в.): домотканые вещи на крестах заменяются фабричными, домашняя выпечка — покупной; коллективное сменяется индивидуальным; в практики почитания обетных крестов включаются элементы из других ритуальных практик и т. п.

***Ключевые слова:** поморы, обетные кресты, ритуальные практики, вотивы.*

Сакральные объекты, несмотря на постоянный пристальный интерес со стороны исследователей, до настоящего времени не утрачивают своей привлекательности и остаются предметом из-

учения в области смежных исторических дисциплин. В их числе и обетные кресты. Во время летних экспедиций 2008–2010 гг. на Карельский и Поморский берега Белого моря были обнаружены группы обет-

ных крестов, сохраняющих ритуальную значимость для жителей поморских селений. В большинстве работ отечественных исследователей обетные и памятные кресты Русского Севера рассматриваются, прежде всего, как объекты материальной культуры, маркирующие границы пространственных коммуникаций, с присутствующими для деревенской святости функциями¹. В этой статье хотелось бы обратить внимание на практики, связанные с почитанием сакральных объектов.

В ретроспективных формах (рассказы и пересказы со слов очевидцев) при описании структуры и обрядовых практик, утраченных по тем или иным причинам, существенные детали нередко уходят в тень, возникают затруднения при определении функциональных различий. Иная ситуация в условиях сохранения «живого» обряда, когда появляется возможность непосредственного наблюдения или реконструкции исследуемых практик, как, например, в с. Шуерецком, где до настоящего времени сохраняется традиция почитания обетных крестов.

Основной корпус материалов, разрабатываемых в статье, был собран в результате двух летних экспедиций Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова в с. Шуерецкое. В июле 2008 г. участникам экспедиции представилась возможность добраться на лодке до обетного креста в устье р. Шуи. Сопровождавшие нас местные жители не только рассказали о почитаемом объекте, но также и прокомментировали действия рыбаков на проходящих мимо креста лодках и приняли участие в реконструкции этих практик. В июне 2009 г. в Троицу был зафиксирован ритуал поминовения умерших на кладбище у Большого креста.

Данные, полученные в результате наблюдений, были дополнены рассказами участников, сохраняющих память о событиях недавнего прошлого. Временной

срез, отраженный в информационных источниках, позволяет охватить почти вековой период (от детских воспоминаний услышанного в семье от стариков, годы рождения которых приходились на вторую половину XIX в., и до настоящего времени) и отметить происходящие перемены в почитании святых мест.

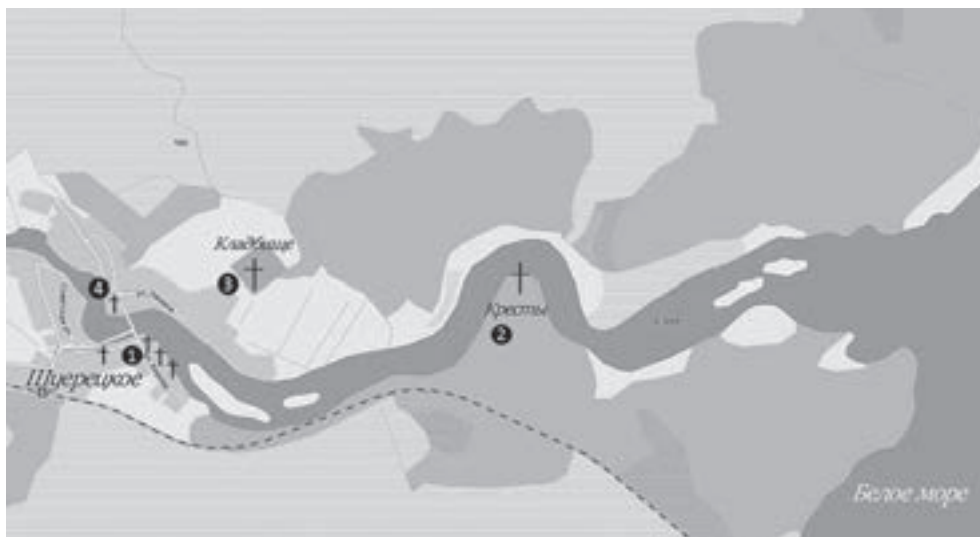
Село Шуерецкое (Беломорский р-н Республики Карелия) расположено в 2 км от Белого моря. Дома сельских жителей вытянулись по обоим берегам р. Шуи. Первое поселение было основано более пятисот лет назад и располагалось выше по реке. Занятия рыболовецким и охотничьим промыслом определили необходимость перемещения села к речному устью, что значительно облегчало выход к морю. Специфика промысловой деятельности, судостроения, мореходства и лоцманского дела, торговля со Скандинавскими странами оказывали влияние на уклад жизни поморов.

Особую роль в формировании культурных традиций сыграло старообрядчество. Память о прошлом находит отражение в рассказах местных жителей: «У деда предки были старообрядцами, но потом часть покрестилась в новую веру. Бабушка у меня до последнего стояла» (Зап. от А. Игнатъевой, 1948 г. р. Соб. Е. Самойлова, Е. Жакова, И. Утенкова) [ОАФ. 8038]². Здесь из поколения в поколение передавались книги, иконы, сохранялись традиционные практики.

Представшее в год проведения экспедиции село утратило былую красоту и величавость. Повсюду покосившиеся дома и постройки. Клуб собран из разрушенного в годы советской власти храма. На глазах разваливается самый длинный на Русском Севере деревянный мост протяженностью около 150 м. Но, несмотря на деструктивные изменения, происшедшие за последние десятилетия (разрушение системы материального

¹ См. об этом: [Дмитриева 1986; Тюрин 1986; Овсянников 1990 и 1994; Щепанская 1995 и 2003; Беляев 1997; Ушаков 1997; Циркунов 1997; Чуракова 1997; Панченко 1998; Филин, Фризин 2001, Иванова, Калуцков, Фадеева 2009; Виноградов, Платонов 2000; Платонов 2001 и 2003, Кормина 2006; Виноградов 2012 и др.].

² Поскольку основной корпус полевых материалов, используемых в статье, был собран в с. Шуерецком во время работы экспедиции Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова в Карельский и Беломорский р-ны Республики Карелии в 2008 г. (ПМА АФЭЦ. Колл. 241), в комментариях указываются только сведения об информанте и собирателях, а также единицы хранения в архиве.



Карта с. Шуецкое

Map of the village of Shueretskoe

† — Обетные/памятные кресты
Votive (memorial) crosses

1 — Обетные кресты на приусадебных участках
Votive crosses at infields

2 — Сакральный комплекс «Кресты». Обетный крест
Sacred complex "Crosses". A votive cross

3 — Кладбище. Большой обетно-поминальный крест
The cemetery. The great votive-commemoration cross

4 — Памятный крест на месте разрушенных храмов
A memorial cross at the place of destroyed churches

жизнеобеспечения и как следствие реорганизация социальной структуры, значительное сокращение численности населения) в жизни поморов, жители по-прежнему сохраняют традиционные духовные ценности, в числе которых и почитание обетных крестов.

В 2008 г. нам удалось зафиксировать 4 группы крестов:

- кресты, установленные у домов жителей по правому берегу р. Шуи (обетные);

- обетный крест на правом берегу в устье р. Шуи (разрушенный сакральный комплекс Кресты);

- 4-х метровый крест на сельском кладбище (полифункциональный: обетный, общепоминальный), именуемый Большой;

- поклонный крест на месте разрушенных храмов на левом берегу реки у моста (осваивается местными жителями в качестве обетного, общепоминального).

КРЕСТЫ У ДОМОВ

В конце XIX — начале XX в. деревянные кресты можно было увидеть практически у каждого дома, к 2008–2009 гг. их сохранилось четыре. История связывает появление крестов с мужскими обетами поморов, данными в благодарность за спасение от гибели в морской пучине. Чудом уцелевшие рыбаки давали обещание поставить крест либо на месте спасения, либо у дома. С этим связана история появления большинства обетных крестов по малым и большим островам Белого моря.

Особое значение приобретали деревянные святыни в ситуациях кризиса, связанных с морскими промыслами. Женщины, получившие известие, что жизнь близких находится под угрозой, просили о помощи у крестов. В местной традиции кресты называли *поклонными* («старушки идут на поклонный крест») или *неумоленными*, потому что просили прощение за *неумоленный грех*:

«Прости меня, Господи милостливый, за неумоленный грех: согрешила, с утра рот открыла, худого сказала. А вот, не надо было бы говорить этого худого, так вот на нашу бы семью и не пришло худо;

<...> Вот, как долго нету с морюшка — с путинушки, рыбаков, ну, и старушки идут на поклонный крест. Просят прощения, и просят, чтобы Господь вернул им рыбаков. У каждой родни, у каждого рода был старейшина — человек, у которого что-то случилось [к нему

обращался. — Е. С.]» (Зап. от В. Е. Богдановой, 1947 г. р. Соб. Е. Самойлова, Е. Жакова, И. Утенкова) [ОАФ. 8038].

В ситуации, когда дорога каждая минута, обращались к кресту, стоявшему поблизости (у дома, на улице, у моста)³. Прошения о помощи в рыболовецком промысле совершались у обетных крестов, даже несмотря на то, что в селении до революции было три храма. Возможно, по причине того, что сама установка креста соотносилась с промысловой деятельностью поморов, а также в силу шаговой доступности этих объектов.

До настоящего времени сохраняется вера в особую силу материнской молитвы: «Говорят, слеза матери со дна моря достанет». В подтверждение тому моя собеседница рассказала о чудесном спасении ее мужа, попавшего в сильный шторм. Мать, узнав, что лодка сына терпит бедствие, поспешила к кресту: «<...> молилась. Оказывается, такой силы была молитва — лодку выкинуло. Сыпучий такой мысок, через мысок лодку выкинуло. И вот, ее молитва достала. Как идут — притихла погодушка — идут. Не говорят, что гребут, а идут. Идут, идут суденышки. Карбасок идет и детки живы остались — муж, с тридцать восьмого года [рождения. — Е. С.]. Михаил Павлович. Сегодня тоже ушел на День рыбака в море за треской да за сигам — что Господь подаст» (Зап. от В. Е. Богдановой, см. выше) [ОАФ. 8038].

Женские просьбы, моления нередко скреплялись обетом и принесением дара. У крестов оставляли тканевые предметы, созданные руками женщин (пелены с вышитыми или накладными крестами, предметы одежды): «[эти кресты. — Е. С.] чисто-чисто староверские. Уже обветшали. В этом году что-то никто не стали [подновлять. — Е. С.], а так приносили [пелены. — Е. С.]». Если в семье под одной крышей проживало несколько женщин, «[пелену готовила. — Е. С.] старшая в семье по чину, которые уже действительно



Фото 1. Обетный крест (А). Фото автора. 2008 г.

Photo 1. Votive cross (A). Photo taken by the author, 2008

только молились. <...> И действительно молитвы доходили. Как говорится, молились. Молились на Николу Чудотворца и Угодничка, потому что он благословлял и в путешествии, и на добычу». Тканевые приношения привязывали к деревенским крестам в надежде на скорую помощь и прощение: «Пелены приносят, чтоб замолить свой какой-то грех: мы живем же в миру, может лишнего сказала. Была бы мамушка, сказала бы: «Лишнего не болтай: не говори ты лишнего». Иногда надо и промолчать» (Зап. от В. Е. Богдановой, см. выше) [ОАФ. 8038].

Кресты, сохранившиеся на приусадебных территориях в с. Шуерецком

Крест (А). Деревянный восьмиконечный крест стоит у одного из сельских домов, расположенных на правом берегу реки⁴. Такая форма характерна

³ Традиция женских молений у обетных крестов сохранялась в военные годы (1941–1945). В д. Колежма (Поморский берег) сохранился единственный обетный крест у дома Пакулиных. Пакулины — семья капитанов (капитанами стали семь сыновей). Местные жители сохраняют память о молитвенном подвиге А. Пакулиной, которая в годы войны у этого креста «вымаливала всех своих детей, и она вымолила восемь сыновей <...> Все были на войне, и все остались живы» (Зап. от А. И. Отавиной, 1936 г. р., Л. Н. Егоровой, 1951 г. р.) [ОАФ. 248–А005–022].

⁴ Привожу достаточно подробно описание, поскольку на противоположном конце села

для Карельского поморья: деревянный крест с двускатной кровлей⁵, соединяющей вершину центральной продольного столба (длина ок. 2 м) с концами верхней и средней перекладин. В основании ящик из досок с двускатной крышей. Все детали изготовлены из бруса, исключение составляют голубец и ящик (доска). Кровелька украшена контурной (круги и «волны») и плоскостной выемочной резьбой (треугольные зубцы), очень похожей на резное оформление причелин крыши над крыльцом дома, у которого стоит крест. Как отмечают исследователи архитектуры Русского Севера, такое сходство достаточно распространено в Поморье [Медведев 2001]. Круги на кровельке креста окрашены в ярко-синий цвет. Такая же краска иногда использовалась при украшении голубца на могильных крестах. Следы синей краски заметны и на двух объемных рельефных медальонах с изображением небесных светил — солнца и луны, которые размещены на лицевой стороне средней перекладины⁶. Под ними едва различимые подписи: «слънце», «луна» — и символические изображения; солнце с признаками антропоморфности — человеческий лик с прорисовкой глаз, носа, губ.

Обетный крест можно рассматривать как трехчастную композицию: собственно крест и два небольших декоративных — резной и накладной, расположенных по «принципу матрешки» (детали-вкладыши). Каждый из крестов отличается от других размером и техникой исполнения: большой (основной) крест из бруса, соотношенный с ним накладной крест меньшего размера⁷ и небольшой резной крестик (в технике выемочной

резьбы). Последний разместили в месте пересечения верхних поперечных перекладин накладного креста.

На кресте заметны надписи белой краской на церковно-славянском языке: «ЦРЬ СЛВЫ» (в верхней части продольного столба), «ІСЪ СНЪ БЖИ ХС» (на верхней перекладине). На средней перекладине накладного креста надпись практически нечитаема, под ней: «КРТУ ТВОЕМУ ПОКЛОНЯЕМСЯ ВЛКО (почти неразборчиво) / ИСТОЕ ВОСКРСЕНИЕ ТВОЕ СЛАВИМЪ» (надпись расположена по обе стороны от продольного бруса). Под средней перекладиной на продольном остоле креста рядом с резным изображением копья (его соотносят как с копьем сотника Лонгина, так и с копьем, которым священник вынимает частицы) и трости (символизирующей трость с губкой, поднесенной Христу) написаны буквы — «К»/«Т». «НИ»/«КА» — надпись, сохранившаяся на нижней поперечной перекладине. Под ней прикреплен вырезанный из дерева овал (череп). Над ним заметны буквы «М»/«Л» (место лобное), под ним — «Г»/«А» (голова Адама).

На продольном бруске сохранились части истлевших пелен (небольшие отрезки льняной или хлопковой ткани с нашитыми крестами).

Неподалеку по тому же берегу реки сохранилось еще три креста с пеленами. Они расположены на огородных участках, неподалеку от домов сельских жителей.

Крест (В) представляет практически точную копию вышеописанного (конструкция, техники изготовления, надписи). Можно высказать предположение о принадлежности этих крестов руке одного мастера.

стоит очень похожий крест (композиция, характерные детали, надписи); это дает возможность предположить, что оба этих креста принадлежат руке одного мастера.

⁵ Такую двускатную крышу на Карельском и Поморском берегах Белого моря называют голбец или голубец. Аналогичное название встречаем и в словаре В. Даля: «Голубецъ — могильный памятникъ, срубомъ, съ крышей, будкой, домикомъ; ныне они запрещены; зовут так и всякий памятникъ, особенно крестъ съ кровелькой» [Даль 1998, 371].

⁶ А. П. Голубцов отмечает, что изображение луны и солнца «в числе аксессуаров распятия» было широко распространено и могло быть представлено как в виде астрономических знаков, так и в виде двух фигур: мужской и женской. Обычно солнце располагают справа, а луну — слева от распятия [Голубцов 1917, 230].

⁷ Продольная планка накладного креста крепится под верхней поперечной перекладиной большого (основного) и завершается под нижней (в том месте, где прикреплен вырезанный из дерева овал — возможно, череп). Соотношение ширины составляющих его деревянных планок и основы (бруса) — 1:3.

Крест (С) существенно отличается от крестов, которые были описаны выше: отсутствуют рельефные детали, резной декор на кровельке, дощатое основание (крест вкопан в землю). Конструктивная особенность — в сочетании уже не трех, а двух крестов (основного и небольшого резного, размещенного между верхними поперечными перекладинами), что роднит его с могильными крестами, на которых нередко размещали резной или накладной крест. Надписи на поперечных перекладинах помещены в медальоны: «ИС — Н — ХС» (на верхней; «И» — реконструируема, видна только «С»), «СНЪ — К — НИКА — Т — БЖИЙ» (на средней), МЛ — ГГ (на нижней). Изображение копыя и трости замещают буквенные символы — К. Т. Под средней перекладиной висит несколько цветных пелен с нашивными крестами из атласной ленты белого цвета.

Крест (D) — это крест без кровельки. Он оказался гораздо выше всех виденных ранее. В глаза бросается скос средней перекладины и строгий перпендикуляр нижней. На них едва заметны следы надписей, между средней и нижней перекладинами привязано несколько пелен.

«КРЕСТЫ» — САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В УСТЬЕ Р. ШУИ

Так жители с. Шуерецкого называют территорию на которой ранее размещался сакральный комплекс (часовня, крест) **Кресты**⁸. «И вот, там стоял этот крест, и часовенка была сделана небольшая. Там даже при советской власти еще служили. Почему? Потому что все [рыбаки. — Е. С.], это же рыболовецкое было. Занимались же везде, ходили за рыбой в Баренцево море. Дед рассказывал, как они там ходили, там тонули, спасались. Ходили и знали этот путь. И мой прадед был Балагуров. Его звали Смелым. Он был одним из лучших шкиперов в Поморье. <...> Он водил туда. И прежде, чем идти, нужно было обязательно помолиться. Не просто уезжали, а останавливались, молились. Выходили. Там часовня была. Была часовенка небольшая. И потом ехали. И даже, если не останавливались, то все, кто был в лодках,



Фото 2. Обетный крест (С). Фото Н. Заболотской. 2008 г.

Photo 2. Votive cross (C). Photo taken by N. Zabolotskaya, 2008

обязательно молились. Вот, для чего это было. Выход как последнее напутствие, когда ты едешь в море. Вот, туда уходишь уже рыбачить. И молились уже обязательно. И когда обратно шли — тоже. Вот для чего это [крест, часовня] ставилось» (Зап. от А. Игнатъевой, см. выше) [ОАФ. 8038]. В. Е. Богданова вспоминала, что, по словам деда — помора «норвежских кровей», — «у креста [в устье Шуи. — Е. С.] просили благословения, чтобы морюшко дало рыбки. Дедушко выпьет стопочку: “Ну, Господи, благослови, Николушко, помоги”» (Зап. от В. Е. Богдановой, см. выше) [ОАФ. 8038].

В числе негативных факторов, сказавшихся на сохранности комплекса, — смена идеологических парадигм и социально-экономических преобразований, связанных с утверждением новой государственности. Часовня, постепенно утратившая свое значение, не сохранилась. Покосившийся старый крест был обновлен местными жителями в 90-е гг. XX в., отмеченные преобразованиями

⁸ В месте крутого извилистого поворота, предвещающего устье реки. По мнению местных жителей, Кресты — место, где заканчивалась река и начиналось море.

в политической и экономической жизни страны. Местная жительница А. П. Журавлевская незадолго до своей кончины предложила поставить новый крест. Идею поддержали и помогли воплотить в жизнь сельские жители А. П. Савин и В. А. Галашкин.

На кресте, поставленном в месте извилистого поворота р. Шуи, можно увидеть такие же *пелены*, как и на крестах у сельских домов. Они сходны с теми, которыми украшены деревенские кресты у домов в с. Шуерецком, и свидетельствуют о совершении ритуалов, связанных с выходом мужчин в море.

Расстояние от деревни до креста считали от последнего дома в деревне — дома Григория Фокина: «От Гриши Фокина до креста — одна верста», — гласит местная пословица. Придорожные кресты разграничивали «свое» и «чужое»: «Речка заканчивалась, начиналось море» (Зап. от А. Игнатевой, см. выше) [ОАФ. 8038]. Появление сакрального комплекса «Кресты» за извилистым поворотом в устье реки (в узловой точке, на рубеже) укладывается в каноны ландшафтного проектирования придорожных объектов. Пространство открытого моря таило незримую опасность. Пересечение границ связывалось с повышенной ритуализацией [Щепанская 2003, 245–246] и нередко маркировалось охранной символикой.

Разрушение часовни и запрет на богослужебные практики приводит к изменениям ритуальных действий, совершаемых у обетного креста. Молитвы сменяет звон меди, бросаемой в надежде «приобрести» удачу и благополучие, тогда как раньше бросать монеты в море «было неприято. Это традиция современная. Деньги никогда не бросались, потому что деньги ценились» (Зап. от А. Игнатевой, см. выше) [ОАФ. 8038]. И. А. Кочетов, 1948 г. р., рассказывая о современных обычаях рыбаков, отмечает, что у креста в устье Шуи мужчины выпивают по стопке водки, бросают в воду зерно [ОАФ. 8038].

Обычай засевать крупой и выливать спиртное по обоим бортам лодки тоже недавний и, возможно, был перенесен из обрядов поминовения умерших, совершаемых на кладбище (сходные действия совершаются сельскими жителями в дни поминок у Большого креста



Фото 3. Обетный крест. Сакральный комплекс «Кресты». Фото автора. 2008 г.

Photo 3. Votive cross. Sacred complex "Crosses". Photo taken by the author, 2008

и на могилах). По представлениям поморов такие действия помогают избежать опасности и добиться успеха в промысловой деятельности.

Трансформации, фиксируемые по рассказам местного населения и наблюдениям, сделанным в День рыбака (13 июля 2008 г.) у обетного креста в устье Шуи, можно рассматривать как один из признаков сохранения «живой» традиции, адаптационные механизмы которой обеспечивают связь между настоящим и прошлым [Чистов 1986] и способствуют сохранению культурных ценностей группы.

КЛАДБИЩЕ. БОЛЬШОЙ ОБЕТНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КРЕСТ

«Там крест большой на кладбище и там навешано всего: кто чулки, кто платки, кто чего вешает» (Зап. от А. Е. Шутько, 1918 г. р. Соб. Е. Самойлова. 2009 г.) [АФЭЦ. 251-А002-001]. Кладбище расположено в 700 м от селения. На северо-западной стороне двое ворот. По установленному обычаю в одни ворота входят, в другие — выходят. Приоритет выбора за посетителем, главное,

чтобы одними воротами не воспользоваться дважды. С чем связано поверье, объяснить нам так и не смогли, ссылались на авторитет обычая, унаследованного от предков. Проход через ворота начинается с ритуального приветствия: *«Здравствуйте, покойнички лежащие, кресты стоячие»*⁹ (Зап. от А. Е. Шутько, см. выше) [АФЭЦ. 251-А002-001].

К Большому кресту от ворот ведет небольшая тенистая аллея, по обе стороны которой просматривается множество могильных крестов. Этот крест — *«подобие того креста, что на Крестах»* (Зап. от Г. Г. Половининой, 1970 г. р. Соб. Е. Самойлова, Н. Заболотская и др.) [ОВФ. 1388] — был поставлен той же небольшой группой местных жителей, что и крест в устье р. Шуи (инициатор — А. П. Журавлевская, изготовление и установка А. П. Савина и В. А. Галашкина). Большой крест был поставлен в 1990 г., на месте обветшавшего старого: *«<...> на кладбище крест упал. И он этот ящик новый делал. Брал тут Галашкина Владимира Андреевича — дядю. Они тут ящик сделали, крест. А потом, старушки ходили и ложили эти [приношения]: кто косынку принесет. А одна старушка была — умерла. Как раз они крест шьют и сами вешают»* (Зап. от М. П. Балагуровой, 1934 г. р. Соб. Е. Самойлова, Е. Жакова, И. Утенкова) [ОАФ. 8038]. Инициалы обновивших святыню жителей выписаны в нижней части обетного креста: «1990. С. А. Г. В.». Местные жители отмечают, что нынешний крест очень похож на тот, что стоял ранее. У него поминают умерших, чьи могилы расположены вдали от родного села, тех, чьи тела так и не были возвращены морем.

Здесь можно помянуть и покоящихся на местном кладбище. Бывает, что по причине непогоды поход к дальним могилам недоступен (как, например, в Радуницу, когда повсюду еще лежит снег). *«Кто-то не может попасть, когда еще снегу много. Туда [к дальним могилам]. Сугробы стоят. Идут сюда. Считается, что идут к Большому кресту. Твои даже не здесь похоронены. Вот, можно прийти сюда, положить, что ты уже как поминаешь»* (Зап.



Фото 4. Троица. Большой обетно-поминальный крест на кладбище. Фото автора. 2009 г.

Photo 4. Trinity. The great votive-commemoration cross at the cemetery. Photo taken by the author, 2008

от Г. Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388].

Прозвище «большой» крест получил не только из-за четырехметровой высоты, но также и потому, что служит местом поминовения всех предков. Поэтому он может рассматриваться как часть от неделимого целого, объединяющего захоронения на обширной территории (разбросанных по белому свету). Большой — значит старший, главный, наиболее значимый (интерпретация основывается на определении иерархической позиции предметов: на кладбище среди множества могильных крестов, этот — главный).

К нему приходят в дни коллективных поминовений, приуроченных к церковным праздникам, — в Троицу, а если ранняя весна и успел сойти снег, то и в Радуницу: *«Ходят бабульки и молодежь <...>. Каждый приносит сюда на Троицу в Радуницу: куличи, яйца крашенные. Обязательно оставляют деньги. <...> На Пасху и на Троицу — стол, вот так*

⁹ Покидая кладбище, в воротах произносят: «Прощайте, покойнички лежащие, кресты стоячие» (Зап. от А. Е. Шутько, см. выше).

вот [с горой. — Е. С.]. *Здесь все заложено! В большом количестве несут. У нас даже с города приезжают, у кого свои здесь похоронены — родственники. У нас считается Троица великим праздником как и Радуница*» (Зап. от Г.Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388]. А.Е. Шутько подчеркивает обязательность дара, оставляемого у креста: *«...в Троицу ношу пелену вешаю на крест, полотенце или платок красивый <...> к Большому кресту обязательно надо нести»* (Зап. от А.Е. Шутько, 1918 г. р. Соб.Е. Самойлова, Е. Жакова, И. Утенкова. 2008 г.) [АФЭЦ. 251-А002-002].

Приходят и по случаю — в дни смерти, рождения/именин почивших — *«... когда на кладбище иду, всегда к кресту схожу, обязательно схожу: поклонюсь, помолюсь, чего-нибудь скажу, положу. Гостинец какой-нибудь положу, мелочи, копейки, конфетки. <...> Обязательно положу, потому что там у меня же много похоронено, я должна это все делать. <Соб: Похоронены на этом кладбище?> На этом. У меня много похоронено: две сестры, зять, сын, двое ребят, мать, муж, сват, сватья. Я ко всем хожу. А теперь не хожу: дома поминаю»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [ОВФ. 1388].

Практики дарообмена

Заветы. Обетные приношения приносят, как правило, женщины. Кто фартук положит, кто — полотенце. *«<...> Молодежь — мало [редко приносит предметы из ткани. — Е. С.], все больше старушки делают вот это: платки, носки — для мужчин, и как здоровья просят <...> у своих, для себя».* Со временем ткань выгорает на солнце и все приношения сливаются в единой цветовой гамме: *«Морские ветра. Солнце. Они уже сами по себе выгорели... <...> На Троицу мы были здесь, было много платков — свежих. Это видеть морские ветра [их пообтрепали. — Е. С.]»* (Зап. от Г.Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388].

Когда «просили здоровья» для мужчины, приносили носки, для женщины — платки, полотенца, т. е. дары, оставляемые у Большого креста, могут быть идентифицированы по признаку половой принадлежности: *«За мужчину — носки, за женщину — платок или полотенце»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [ОАФ. 8038].

По предметам на кресте можно определить пол страдающего от болезни человека и понять, за кого полагают дар. Живые оставляют умершим завет, чтобы они поминали. И в том, и в другом случае при выборе предметов используется основной принцип симпатической магии — по подобию.

Принесенные жителями предметы служат необходимым компонентом для установления и укрепления связей с умершими родственниками (коммуникация живые/мертвые): *«Это как какой-то завет даем. Ну, что я даю завет своим родителям, умершим, чтоб они там поминали меня. <Соб.: Они Вас там поминают?> А как же! Обязательно! Я же к им там приду. Они же не должны меня забывать, я же к им приду!»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [ОАФ. 8038]; *«...заветик дам на весь год — это же я должна выполнить: я положила и должна этот год, что я сказала у Большого креста, должна его выполнить. <...> Для себя только кладу завет, родителей, что поминаем»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [АФЭЦ. 251-А002-001].

Со второй половины XX в. почти повсеместно получает распространение обычай украшения могильных крестов искусственными цветами. Отчасти это связано с развитием новых направлений на потребительском рынке, когда продвижение товаров сопровождается формированием эстетических ценностей. Жители с. Шуерецкое привнесли этот тип декора и в убранство Большого креста. Украшения выделяются на фоне других ритуальных приношений броской цветовой палитрой и полным отсутствием символических связей с культурной традицией. Они «не читаемы» — предметы-пустышки, поскольку лишены информационной и функциональной нагрузки (кроме сомнительно эстетической): яркие краски быстро выцветают, покрываются пылью. К тому же возникают определенные сложности с утилизацией синтетических материалов.

Поминальное угощение. Близкие и родственники приходят на кладбище в канун больших праздников, чтобы убрать прошлогоднюю листву, искусственные цветы и пр. До недавнего времени за одиночными могилками присматривал житель села Валентин Пастухов. Он же — посредник,

участвующий в перемещениях ритуального дара: *«Не от мира сего. Блаженный, что-то типа этого. Он ходил после праздника. Видит, могилка неухоженная. Вот, она там что-то поделает, поделает. Приберется. Посидит. Помянет. Уйдет. И для него всегда оставляли [продукты]. Здесь всегда [оставляли. — Е. С.] на кладбище. Но его давно нет в живых»* (Зап. от Г.Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388].

В дни ритуальных поминок приносят крупу — *«у могилок мы сытем вдоль»*, (ср. с засеванием крупы вдоль бортов лодки у креста в устье Шуи). Крупу оставляют для птиц. По представлениям, характерным не только для местного населения, но и для восточных славян в целом, птицы — умершие: *«У нас говорится так: человек умер, но птицы для чего живут? Они фактически умершие. Летают. Сами себя поминают. <...> Мы всегда носим пшено, если нету, любую крупу. [Сыпем] на могилы и около. <...> Птицы все клюют, терпят»* (Зап. от Г.Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388].

Кормление умерших у Большого креста (тождественно кормлению покойных на могилах): *«Раньше носили кутью. Там тоже — из проса, наверно. И что-то еще из хлеба делали бабульки. Сейчас, в основном, несут пшено или другую крупу, конфеты, стряпню. Самое основное — стряпня. Я, когда стряпаю — плюшки с рисом, яйцом. Вот такое вот что-то. Рыбники носят, кулебяку. А на Радуницу у нас носят куличи»* (Зап. от Г.Г. Половининой, см. выше) [ОВФ. 1388].

Таким образом, Большой крест играет роль консолидирующего начала, сближающего живых и мертвых.

ПАМЯТНЫЙ КРЕСТ НА МЕСТЕ РАЗРУШЕННЫХ ХРАМОВ¹⁰

Нельзя не отметить еще один крест, появившийся в с. Шуерецком недавно. Он установлен на месте сгоревших храмов: *«Теперь новый у нас там крестик поставлен, видали? Это сделал парень — Устинов, у которого отец помер. Он это все сделал. Он такой парень — набожный. В церковь ходил»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [ОАФ. 8038]. Несмотря на новизну,

он органично вписался в местную традицию и постепенно перенимает функции соседствующих обетных крестов. В 2008 г. ни пелен, ни платков на перекладинах креста замечено не было, но оказалось, что старейшая жительница села А.Е. Шутько приходит к нему в дни ритуальных поминок, т.к. по старости не может добраться на кладбище к Большому кресту: *«...я не могла на Радуницу, так к этому кресту ходила, а на кладбище я не могла сходить. Вот, сходила, помолилась, гостинцы снесла или цветочков. Цвяточки снясу, поставлю»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [ОАФ. 8038]. В 2009 г. Анастасия Егоровна решила не ограничиваться съестным и подготовить традиционное для жительниц села приношение: *«...у меня платок приготовленный, помолось, заветик дам на весь год <...> сей год пойду у моста — здесь крест есть — туда пойду, положу»* (Зап. от А.Е. Шутько, см. выше) [АФЭЦ. 251-А002-001].

Возможно, если бы в селе была церковь и свой священник, отношение к памятно-мукресту формировалось бы в русле современных церковных практик. Но поскольку церкви нет, а священник один на весь Беломорский р-н и в условиях постоянно ухудшающейся ситуации транспортного обеспечения в Шуерецком бывает редко (раз в несколько лет), крест постепенно переходит под опеку женщин и приобретает статус деревенской святыни.

Приношения к Большому и обетным крестам — проекции женских повседневных практик (приготовление пищи, рукоделий), что может свидетельствовать о доминирующей роли женщин в почитании обетных крестов. Традиция женских тканевых приношений, по обычаю размещаемых на горизонтальной перекладине креста, связывается с представлениями о помощи предков в случаях болезни родных. Тогда как пелены, оставляемые у креста в устье р. Шуи и у домов местных жителей, направлены на блокирование кризисной информации, исходящей от группы мужчин-промысловиков.

Возникновение различий, прослеживающихся в интерпретациях дара и ожидаемых результатах, основывается на построении проективных связей (событие/

¹⁰ Одна из церквей была разрушена — разобрана на клуб, две другие сгорели во время грозы.

небесный покровитель — объект), моделируемых при установке креста (иными словами, в момент установки происходит кодирование нового объекта и его подключение к определенному каналу коммуникативной сети). Поэтому кресты используются для перемещения кризисной информации в рамках заданных цепочек связи.

Так, у крестов, появление которых было инициировано ситуативной опасностью на промыслах, просят помощи для промысловиков, нередко подкрепляя просьбу поднесением дара-пелены. У Большого креста (как одного из центров коммуникативной связи живые — мертвые) просят для умерших Царства Небесного, а для живых — содействия покойных в исцелении различных недугов. К нему же приносят угощение, пелены и предметы одежды (неотчуждаемый дар¹¹).

Связь между элементами в причинно-следственной цепи: предмет — сакральный объект — действие (ответная реакция) — базируется на принципе симпатической или симметричной связи (по подобию). Возникает параллель с магическими практиками, поскольку кодирование предметов основывается на тех же базовых принципах.

Фиксация практик почитания крестов в с. Шуерецком помогла прояснить некоторые принципы функциональной дифференциации сакральных объектов, характерных для локальной традиции, отметить адресную направленность дара. Также удалось выявить эффект гендерной инверсии, связанной с установкой и почитанием сакральных объектов: женщины осваивают кресты (у домов сельских жителей и Большой крест на кладбище), поставленные мужчинами. Контроль, а следовательно, и власть над объектами переходит под женское начало. В числе подтверждающих факторов:

— сезонный характер практик (посещение крестов в весенне-летний период, когда практически все мужское население находится на промыслах), что исключает возможность участия мужчин в совершении ритуальных действий у деревенских крестов;

— предметные проекции — «следы» у почитаемых объектов. У крестов оставляют женские рукоделия, пищу (и то и другое находится в ведении женщин);

— циркуляция информации (информационное поле): считывание информации (дешифровка кодов) происходит по предметам, принесенным к крестам, женщины безошибочно определяют «почерк» изготовителя (мастерицы). Определенные помехи возникают при использовании предметов фабричного производства (платки, носки, а пелены, как правило, стараются сделать своими руками). Но даже эти барьеры оказываются преодолимыми, поскольку сохраняется принцип кодирования вещей по признаку пола, т. е. всегда можно узнать, кто нуждается в помощи — женщина или мужчина. Затем остается соотнести информацию, «считанную» с предметом, с той, которая распространяется по другим каналам связи деревенского сообщества (родственники, соседи, «сарафанное радио»).

Крест в пограничной зоне, разграничивающий пространство деревни от остального — внешнего мира (устье р. Шуи), — играет важную роль для обеих гендерных групп. Мужчины совершают ритуальные действия перед уходом на промысел в море, не покидая при этом судно, так как стараются выйти в море по «большой воде» — во время прилива. Так что «следы» мужских приношений остаются в реке (монеты оседают на дне, а крупа достается рыбам и прочим обитателям водоема). Женщины оставляют дары у креста, обвиняя его пеленами. По воспоминаниям старожил, они провожали до этого креста мужчин, покидающих селение с началом сезонного лова рыбы, а также приходили просить помощи, когда кто-то из близких оказывался во власти разбушевавшейся стихии.

Кресты, поставленные на побережье и островах Белого моря, традиционно находились под юрисдикцией мужчин. Во время экспедиционной работы в с. Нюхча одна из местных жительниц отметила различия между деревенскими и морскими крестами: на островах «[кресты. — Е. С.] голые. С пеленами — только когда народ ходит. А тут, ты рыбак, ты

¹¹ Термин американского антрополога А. Вейнер, используемый для обозначения предметов, исключенных из потоков циркуляции дара [Weiner 1992].

приехал, ты подошел к кресту, перекрестился, ну может быть ты какую-то молитву сотворил» (Зап. от Ф. И. Козловой, 1938 г. р., с. Нюхча, Беломорский р-н, Карелия. Соб. Е. Самойлова. 2010 г.) [ПМА. АФЭЦ. Колл. 263. 263-А008-040].

Отсутствие женских «следов» на крестах в промысловой зоне отмечают П. Филин и Н. Фризин: «...“промысловых” крестов не коснулся распространенный обычай привязывания к крестам полос материи или вышитых полотенец. Этот обычай касался всех функциональных типов крестов, кроме промысловых, стоящих на морских берегах. Это может объясняться тем, что чаще всего полотенца и полосы ткани вешали на кресты женщины, а на тонях и морских берегах они, как правило, не работают» [Филин, Фризин 2001, 171].

Таким образом, деревенские кресты, находящиеся в ведении женщин, — *женские*, а морские, расположенные в подконтрольной мужчинам промысловой зоне, — *мужские*.

Полевые записи из с. Шуерецкое позволяют проследить схемы перемещения ритуальных элементов в современной культуре поморов и выявить те, которые перекочевали в практики почитания крестов из других ритуальных практик. Так, у креста в устье р. Шуи мужчины совершают те же действия, что и у могильных крестов: засевают крупу, пьют/выливают водку. Хорошая сохранность ритуальных практик, связанных с поминовением предков, позволяет рассматривать их в качестве одного из источников или «архивов» культурной памяти группы. «Архивные материалы» используются для восполнения лакун, возникших в период дискриминации народной и церковной культуры.

Последствия такой политики сказались прежде всего на обрядах, совершаемых мужчинами. Женщинам,

придерживавшимся обычая действовать втайне (ходить так, чтобы никто не видел, молиться так, чтобы никто ничего не слышал и не знал), удалось сохранить традиционные практики почитания обетных крестов. Мужчины оказались под давлением противоборствующих сил: со стороны властей (запретивших публичные моления у часовни) и представляющей серьезную опасность стихии (когда несоблюдение регламентационных норм грозило расплатой). Ситуативные тиски привели к компромиссу: коллективное смилось индивидуальным, публичное — тайным. В практиках советского и постсоветского периодов совместные моления при выходе в море заменяются актами жертвенных приношений, причем со смещением ритуальных акцентов: от христианских символов (крест) к природным объектам (река).

Фиксируемые изменения подтверждают действенность одного из ключевых принципов сохранения и развития традиционной культуры — принципа *взаимозамещения значений*¹², который обеспечивает возможность воспроизведения некоторых утраченных элементов системы.

В локальной традиции этот же принцип прочитывается в женских практиках освоения нового сакрального объекта — креста, поставленного в память о разрушенных храмах. К нему приносят дары — еду, цветы, платок и совершают ритуальные действия в те же календарные праздники, что и у Большого креста. Таким образом, новый крест становится преемником Большого, отчасти замещающий его для тех пожилых женщин, которым сложно добраться до сельского кладбища.

Рассмотренные группы обетных крестов в с. Шуерецком представляют уникальный комплекс, поддерживающий культурные и социально-экономические связи локальной группы.

Литература

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Беляев 1997 — Беляев А. В. О крестах Севера России // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-

практический журнал (Мурманск) 1997. № 2. С. 7–22.

Виноградов 2012 — Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места в слове и изображении (к проблеме взаимодействия фольклора и художественного творчества): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012.

¹² Российскими этнографами было предложено несколько синонимичных определений: принцип преемственности [Громько 1975, 134], взаимовыводимости [Байбурин 1993, 11], взаимопереводимости [Щепанская 2003, 30].

Виноградов, Платонов 2000 — *Виноградов В. В., Платонов Е. В.* Святые места: инерция почитания // Этнографическое изучение Северо-Запада (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 2000. Вып. 5. С. 50–52.

Голубцов 1917 — *Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1917.

Громыко 1975 — *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

Даль 1998 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 1.

Дмитриева 1986 — *Дмитриева С. И.* Мезенские кресты // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. М., 1986. С. 461–466.

Иванова, Калуцков, Фадеева 2009 — *Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009.

Кормина 2006 — *Кормина Ж. В.* Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии СПб., 2006. С. 130–150.

Медведев 2001 — *Медведев П. П.* Некрокультурные сооружения карельского поморья и смежных прибалтийских районов // Ареальные исследования народного зодчества на территории Республики Карелия. Петрозаводск, 2001. URL: <http://arni.petrstu.ru> (дата обращения: 04.11.12).

Овсянников 1990 — *Овсянников О. В.* Старинные поморские кресты по исследованиям 1982–1984 гг. // Краткие сообщения Института археологии / 200 лет арктической археологии. М., 1990. Вып. 200. С. 97.

Овсянников 1994 — *Овсянников О. В., Чукова Т. А.* Северные деревянные кресты: К вопросу о типологии // Язычество восточных славян. Л., 1994. С. 60–76.

Панченко 1998 — *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Платонов 2001 — *Платонов Е. В.* Сакральные объекты в структуре деревни Северо-Запада России // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С. 86–88.

Платонов 2003 — *Платонов Е. В.* Пространственная организация деревенской округи // Вестник молодых ученых (Серия Исторические науки. № 2). 2003. № 4. С. 78–84.

Тюрин 1986 — *Тюрин Г.* Восьмиконечные символы памяти // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1986. С. 172–173.

Ушаков 1997 — *Ушаков И. Ф.* Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический журнал (Мурманск). 1997. № 2. С. 59–62.

Филин, Фризин, 2001 — *Филин П. А., Фризин Н. Н.* Крест в промысловой культуре поморья Русского Севера // Статрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198.

Циркунов 1997 — *Циркунов И. Б.* Поморские кресты // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический журнал (Мурманск). 1997. № 2. С. 27–41.

Чистов 1986 — Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

Чуракова 1997 — *Чуракова Н. Н.* К вопросу о деревянных крестах // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический журнал (Мурманск). 1997. № 2. С. 23–26.

Щепанская 1995 — *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть: традиции духовного освоения пространства // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М., 2003.

Weiner 1992 — *Weiner A.* Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping While Giving. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992.

Сокращения

АФЭЦ — Архив Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова

ОАФ — Основной аудиофонд

ОВФ — Основной видеофонд

ПМА — Полевые материалы автора

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова: Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2, литер «А»; тел.: +7 (812) 571-29-47; e-mail: etnograd@mail.ru

GROUPS OF VOTIVE CROSSES ONSHORE THE WHITE SEA: PREDICTIVE AND TEMPORAL ASPECTS OF RITUAL PRACTICES IN THE VILLAGE OF SHUERETSKOE OF BELOMORSK DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KARELIA

ELENA SAMOYLOVA

(St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimskiy-Korsakov: 2 "A", Glinki str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation)

Summary. Groups of sacred crosses, which play an important role in cultural traditions of the Pomeranian Russian population, were observed during field work 2008–2010 at the Belomorsk district of the Republic of Karelia (Pomeranian coast of the White Sea) in Nyukhcha and Shueretskoe the villages. In this paper the author considers such sacred objects, as: crosses nearby houses of villagers, a cross at the mouth of the river of Shuya (the sacred complex called "Crosses"), the Great cross at the cemetery and memorial crosses for destroyed churches. Author's attention is focused on practices related with honoring of sacred places. Votive gifts left to crosses by women (items of clothing, icon veils) attract particular interest. Substantive projections of ritual practices allow to track schemes of spatial moving of the gift and to find answers to the questions connected with functionality of sacred objects. In cases when intercessions were related with production activities, votive gifts were left at the cross of Shuya the river's mouth or at crosses situated within the village nearby residents' houses. When one prayed for health for herself or near and dear ones, women brought textile items and meals to the Great Cross at the cemetery.

Votive objects can be considered as a gender marker. Female gifts on crosses represent "traces" of women's ritual practices which demonstrate usage of a sacred object by female group. Crosses, control of which is exercised by men's group, are located far from the settlement, on islands and shallows of the White Sea. As a rule, they remain without fabric items — "naked".

Data of field materials allow to note the changes that have taken place in cultural tradition of Pomeranians during a period of hundred years (the beginning of the 20th — the beginning of the 21st century): homespun textile items on crosses are replaced with factory fabrics, domestic pastries are replaced with confectionery bought in shops (candies, cookies); collective is replaced with individual; elements from other ritual practices appear in practices of honoring the sacred crosses, etc.

Key words: Pomeranians, votive crosses, ritual practices, votive gifts.

References

- Bayburin A. K.** (1993) Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture. Structural-Semantic Analysis of the East-Slavic Rituals]. St. Petersburg. In Russian.
- Belyaev A. V.** (1997) O krestakh Severa Rossii [About the Crosses of the North of Russia]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business at Murman. Sc.-practical journal]. Murmansk. 1997. No. 2. Pp. 7–22. In Russian.
- Chistov K. V.** (1986) Narodnye traditsii i fol'klor [Folk Traditions and Folklore]. Leningrad. In Russian.
- Churakova N. N.** (1997) K voprosu o dereviannykh krestakh [To the Issue of Wooden Crosses]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business at Murman. Sc.-practical journal]. Murmansk. 1997. No. 2. Pp. 23–26. In Russian.
- Dahl' V. I.** (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Alive Great-Russian Language]. In 4 vol. Moscow. In Russian.
- Dmitrieva S. I.** (1986) Mezenskie kresty [Mezen' Crosses]. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik* [Culture Monuments: New Revelations. Annual]. Moscow. Pp. 461–466. In Russian.
- Filin P. A., Frizin N. N.** (2001) Krest v promyslovoy kul'ture pomorov Russkogo Severa [Cross in the Capture Culture of the Pomeranians of the Russian North]. *Stavrograficheskii sbornik* [Collection on Iconography of the Cross]. Moscow. 2001. Book 1. Pp. 166–198. In Russian.
- Golubtsov A. P.** (1917) Iz chteniy po tserkovnoy arkheologii i liturgike [From Readings on Church Archeology and Liturgiology]. St. Petersburg. In Russian.

Gromyko M. N. (1975) Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII — pervaya polovina XIX v.) [Labor Traditions of Russian Peasants of Siberia (the 18th — the 1st Half of the 19th Century)]. Novosibirsk. In Russian.

Ivanova A. A., Kalutskov V. N., Fadeeva L. V. (2009) Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya (materialy i kommentarii) [Sacred Places in the Cultural Landscape of Pinega the River's Basin (Materials and Comments)]. Moscow. In Russian.

Kormina Zh. V. (2006) Religioznost' russkoy provintsii: k voprosu o funktsii sel'skikh svyatyn' [Religiosity of the Russian Province: to the Question of Function of Village Sanctities]. *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the Most Holy Mother of God. Studies on Religion Anthropology]. St. Petersburg. Pp. 130–150. In Russian.

Medvedev P. P. (2001) Nekro-kul'tovye sooruzheniya Karelskogo Pomor'ya i smezhnykh pribelomorskikh rayonov [Constructions Related to the Cult of the Dead in the Karelian Pomerania and Adjacent Districts Inshore the White Sea]. *Areal'nye issledovaniya narodnogo zochestva na territorii Respubliki Kareliya* [Areal Studies on Folk Architecture in the Territory of Karelia Republic]. Petrozavodsk. URL: <http://arni.petsru.ru> (retrieved 04.11.12.).

Ovsyannikov O. V. (1990) Starinnye pomorskie kresty po issledovaniyam 1982–1984 gg. [Old Pomeranian Crosses according to the Studies 1982–1984]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkhologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. Moscow. 1990. Issue 200. P. 97. In Russian.

Ovsyannikov O. V., Chukova T. A. (1994) Severnye derevyannye kresty: K voprosu o tipologii [Northern Wooden Crosses: To the Issue of Typology]. *Yazychestvo vostochnykh slavyan* [Paganism among Eastern Slavs]. Leningrad. Pp. 60–76. In Russian.

Panchenko A. A. (1998) Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii [Studies in the Field of Folk Orthodoxy. Rural Sanctities of the North-West of Russia]. St. Petersburg. In Russian.

Platonov E. V. (2001) Sakral'nye ob'ekty v strukture derevni Severo-Zapada Rossii [Sacred Objects in the Village Structure of the North-West of Russia]. *Gertsenovskie chteniya. Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk* [Herzen Readings. Actual Problems of Social Sciences]. St. Petersburg. 2001. Pp. 86–88. In Russian.

Platonov E. V. (2003) Prostranstvennaya organizatsiya derevenskoy okrugy [Space Arrangement of a Village Vicinity]. *Vestnik molodykh uchenykh* [Herald of Young Scholars (Historical Sciences — Series)]. 2003. No. 4. Pp. 78–84. In Russian.

Shchepanskaya T. B. (1995) Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva) [Crisis Network (Traditions of Spiritual Reclamation of Space)]. *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp* [The Russian North. To the Problem of Local Groups]. St. Petersburg. Pp. 110–176. In Russian.

Shchepanskaya T. B. (2003) Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX—XX vv. [Road Culture in the Russian Mythic-Ritual Tradition of the 19th — the 20th Centuries]. Moscow. In Russian.

Tsirkunov I. B. (1997) Pomorskie kresty [Pomeranian Crosses]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business at Murman. Sc.-practical journal]. Murmansk. 1997. No. 2. Pp. 27–41. In Russian.

Tyurin G. (1986) Vos'mikonechnye simvoly pamyati [Octagram Symbols of Memory]. *Pamyatniki Arkhangel'skogo Severa* [Monuments of the Archangel'sk North]. Arkhangel'sk. Pp. 172–173. In Russian.

Ushakov I. F. (1997) Kol'skiy krest [Kola Cross]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business at Murman. Sc.-practical journal]. Murmansk. 1997. No. 2. Pp. 59–62. In Russian.

Vinogradov V. V. (2012) Severorusskie pochitaemye mesta v slove i izobrazhenii (k probleme vzaimodeystviya fol'klora i khudozhestvennogo tvorchestva) [Northern-Russian Venerated Places in Words and in Pictures (to the Problem of Interaction between Folklore and Craftwork Creativity)]. St. Petersburg. In Russian.

Vinogradov V. V., Platonov E. V. (2000) Svyatye mesta: inertsia pochitaniya [Sacred Places: Inertia of Veneration]. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-Zapada (itogi polevykh issledovaniy 2000 g. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh)* [Ethnographic Studies on the North-West (Results of Field Research in Leningrad, Pskov and Novgorod Regions in 2000. Brief Abstracts of Presentations)]. St. Petersburg. 2000. Issue. 5. Pp. 50–52. In Russian.

Weiner A. (1992) Inalienable Possessions. The Paradox of Keeping While Giving. Berkley, Los Angeles, Oxford. In English.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: etnograd@mail.ru

Tel.: +7 (812) 571-29-47

2 "A", Glinki str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation

Leading expert, Center of Folklore and Ethnography named after A. M. Mekhnetsov, St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov